Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (25), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 882(092):81'37
ББК 83.3Р1
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-168-197
https://elibrary.ru/YDETNP

© 2024. Ольга Юрьева

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Название «Преступление и Наказание» как ключ к целостному анализу романа Ф.М. Достоевского в школе.
Статья 1. Преступление

© 2024. Olga Yu. Yuryeva

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

The Title of *Crime and Punishment* as a Key to a Holistic Analysis of Dostoevsky's Novel at School.
Article 1: Crime

Информация об авторе: Ольга Юрьевна Юрьева, доктор филологических наук, зав. кафедрой филологии и методики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет», Педагогический институт, ул. Сухэ-Батора, д. 9, 664003 г. Иркутск, Россия.

https://orcid.org/0000-0001-8424-4202

E-mail: yuolyu@yandex.ru

Аннотация: Статья предназначается для учителей-словесников и может помочь выстроить разговор о романе «Преступление и наказание». В статье предлагается вариант современного прочтения одного из важнейших произведений школьной программы. В работе обобщены воззрения ведущих достоеведов на главнейшие проблемы романа, предложены актуальные трактовки основных образов и коллизий романа. Предлагается новое прочтение образа Разумихина как истинной «русской личности» и воплощения в нем мысли о спасительном для Раскольникова «братстве». Анализ многоаспектной семантики вынесенных в заглавие понятий «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» и «НАКАЗАНИЕ» позволит учителю осуществить целостный анализ романа, выстроить разговор об основных образах и проблемах, затронутых в романе, помочь понять учащимся глубину и значимость «перерытых» в нем вопросов. Отвечая на предложенные в статье вопросы, выполняя задания по тексту, учащиеся приходят к выводу, что истин-

ным преступлением в романе является идея, а убийство старухи — результат ее влияния на сознание и действия героя. В методику школьного анализа романа вводятся такие понятия, как «ложные» и «истинные» мотивы преступления, универсальное и актуальное понятие «алгоритм преступления», показана «диалектика» «идейного преступления». В статье предлагается система вопросов и заданий, которые могут способствовать более глубокому пониманию учащимся великого романа.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, роман «Преступление и наказание», семантика названия, религиозно-философский смысл понятий «преступление» и «наказание», образ Разумихина, мотивы преступления Раскольникова.

Для цитирования: *Юрьева О.Ю.* Название «Преступление и Наказание» как ключ к целостному анализу романа Ф.М. Достоевского в школе. Статья 1. Преступление // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 168–197. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-168-197

Information about the author: Olga Yu. Yuryeva, DSc in Philology, Head of the Department of Philology and Methodology, Pedagogical Institute, Federal State-Founded Educational Institution of Higher Education "Irkutsk State University," Sukhe-Batora 9, 664003 Irkutsk, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-8424-4202

E-mail: yuolyu@yandex.ru

Abstract: The article is intended for teachers of literature and can help organize a conversation about the novel *Crime and Punishment*. It offers a variant of a modern reading of one of the most significant works of the school curriculum and summarizes the views of leading Dostoevsky's scholars on the key problems of the novel, offering topical interpretations of its fundamental images and collisions. A new interpretation of Razumikhin's image as a true "Russian personality" and the embodiment of the "brotherhood" that will save Raskolnikov is proposed here. The analysis of the multidimensional semantics of the concepts of "crime" and "punishment" included in the title allows the teacher to present a holistic analysis of the novel, organize a conversation about the key images and problems raised in it, help students grasp the depth and significance of the issues that can be "dug out" of it. Answering the questions proposed in the article and completing assignments, the students come to the conclusion that the true crime in the novel is represented by the idea, and the murder of an old woman is the result of its influence. Such concepts as "false" and "true" motives of crime, universal and actual concept of "algorithm of crime" are introduced into the methodology of school analysis of the novel, "dialectics" of a "ideologic crime" is shown. The article proposes a system of questions and tasks that can contribute to a deeper understanding of the great novel by students.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, *Crime and Punishment*, semantics of the title, religious and philosophical meaning of the concepts of "crime" and "punishment," Razumikhin's image, motives of Raskolnikov's crime.

For citation: Yuryeva, O.Yu. "The Title of *Crime and Punishment* as a Key to a Holistic Analysis of Dostoevsky's Novel at School. Article 1: Crime." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (25), 2024, pp. 168–197. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-168-197

Проблема школьного анализа художественного произведения — одна из самых сложных и важных методических проблем, решение которой в рамках школьной программы осложнено недостаточным количеством часов на изучение романа, а также трудностью логического структурирования, выстраивания последовательности проблемно-тематического и пообразного анализа текста романа. Одним из путей решения проблемы, как нам представляется, является методика семантического развертывания названия произведения, в ходе которого выстраивается разговор и о проблематике, и об образной структуре, и о композиции, и о сюжете романа, о глубинном смысле его основных коллизий. Тем более, что «преступление» и «наказание» — это сложные, емкие и глубокие философско-религиозные понятия в мире Достоевского, и понять, в чем их смысл — главное в разговоре о романе.

Необходимо показать, что само понятие «преступление» раскрывается в романе в нескольких аспектах: как уголовное, как нравственное, как духовное, религиозное и как идейное. Столь же глубока и многоаспектна семантика понятия «наказание». В первой статье мы попытаемся выстроить разговор учителя с учениками о сущности понятия «ПРЕСТУПЛЕНИЕ», которое вынесено в заголовок романа.

В процессе разговора обращение к тесту должно носить не иллюстративно-цитатный характер, а способствовать наиболее полному погружению в текст и пониманию религиозно-философского смысла его идей и образов. Рекомендуем учителю подготовить презентацию, на слайды которой необходимо вывести не только основные тезисы урока, но и вопросы, и цитаты из романа. Это очень важно, так как нужную цитату учащиеся вряд ли найдут быстро, а текст должен обязательно быть «перед глазами». Презентация поможет учителю структурировать урок, следовать логике и плану, помочь учащимся «вчитаться» в текст. На слайдах должен присутствовать не только текст, но и портреты Достоевского, иллюстрации к роману. Так будут задействованы все способы восприятия информации: и аудиальный, и визуальный.

Очень важно в процессе разговора прояснить сущность характера главного героя и ответить на вопрос: **почему Раскольников решился на преступление? Что в его характере способствовало возникновению и осуществлению преступного замысла?**

Как пишет Б.Н. Тихомиров, «приступая к созданию окончательной редакции романа “Преступление и Наказание”, первая часть которого уже в начале следующего, 1866 года увидит свет в январском номере журнала “Русский вестник”, Ф.М. Достоевский в записи “для себя”, среди планов и черновых набросков в тетради с подготовительными материалами так определил сверхзадачу, которую он как художник и мыслитель ставит перед собой в работе над новым произведением: “ПЕРЕРЫТЬ ВСЕ ВОПРОСЫ В ЭТОМ РОМАНЕ” (Д., VII. 148). Сформулировано в высшей степени “по-достоевски”! Все вопросы — то есть обнажить их, лишить окончательности, завершенности, самоуспокоенности все и всякие готовые, наперед данные ответы и решения. Возникшая на раннем этапе работы над «Преступлением и Наказанием», эта творческая установка станет определяющей для всех важнейших созданий Достоевского последних пятнадцати лет. И пусть вопросы, которыми художник задается в “Идиоте”, “Бесах” или “Братьях Карамазовых”, могут показаться масштабнее и острее, прорыв к новой, “экзистенциальной” проблематике в творчестве Достоевского во многом совершается именно в процессе создания его первого большого философского романа» [Тихомиров, 2007, с. 545].

И задачу эту, как указывает Б.Н. Тихомиров, Достоевский-художник «во многом решает *через героя*», который предстает «как герой-идеолог, герой-мыслитель, обладающий своим особенным комплексом идей, а с другой стороны — как человек, исключительно остро и болезненно откликающийся на любые проявления окружающей жизни» [Тихомиров, 2007, с. 546, 547].

Важно так выстроить систему вопросов, чтобы учащиеся с опорой на текст смогли ответить: **почему читатель сочувствует герою, даже узнав, на какое «страшное дело» он хочет «покуситься»? Что толкнуло Раскольникова к преступлению? Какими мотивами руководствуется герой?**

Как заметил Ю. Карякин, «начинается преступление не с убийства, а кончается не признанием в полицейской конторе. И время здесь исчисляется не *тринадцатью* днями, а двумя годами, и уходит потом в какую-то тревожную бесконечность, в какое-то будущее, возможно — гибельное, возможно — спасительное» [Карякин, 1976, с. 16].

Читатель знакомится с главным героем на первых же страницах романа. Писатель сразу представляет довольно подробное описание

весьма затруднительного положения, в котором оказался молодой человек: живет в каморке «под самою кровлею», которая больше походит на шкаф, «чем на квартиру», «должен был кругом хозяйке», так «худо одет, что иной, даже и привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу», «второй день как уж он почти совсем ничего не ел». И герой сразу вызывает сочувствие, сострадание читателя, тем более, что «он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 6].

Сразу же автор предупреждает читателя, что его герой хочет «покуситься» на какое-то дело, совершить какой-то «новый шаг», сказать какое-то «новое собственное слово» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 6]. И даже поняв, что этим шагом станет убийство, читатель, захваченный сочувствием, разделяющий негодование героя несправедливостью мироустройства, принимает и как бы разделяет те мотивы, которыми, казалось бы, руководствуется Раскольников в своем страшном замысле.

Здесь необходимо обратить внимание на немаловажный аспект. Рассматривая логическую цепь мотивов Раскольникова, нужно обязательно учесть многозначность и многоплановость образа героя. Как замечает Б.Н. Тихомиров, Родион Раскольников — «это герой, исключительно остро чувствующий чужую боль, живущий так, как будто с него содрали кожу и все, что происходит вокруг, больно ранит его душу и сердце. В этом, бесспорно, его “общая точка” с Соней Мармеладовой. И в этом же самая глубокая, изначальная первопричина *всего*, происходящего с героем в романе» [Тихомиров, 2005, с. 19]. Именно поэтому читатель проникается сочувствием к герою, пытаясь, как замечают учащиеся, найти оправдания поступку Раскольникова. И самое «простое» и «традиционное» объяснение и оправдание — это несправедливое устройство общества, социальное положение героя, доведенного до нищеты и отчаяния. Именно утверждение, что «общество виновато», «среда заела», становится зачастую отправной точкой в осмыслении причин преступления.

Но в «Дневнике писателя» за 1873 Достоевский замечает: «Ведь этак мало-помалу придем к заключению, что и вовсе нет преступлений, а во всем “среда виновата”. Дойдем до того, по клубку, что преступление сочтем даже долгом, благородным протестом против “среды”. “Так как общество гадко устроено, то нельзя из него выбиться без ножа в руках”. “Так как общество гадко устроено, то в таком

обществе нельзя ужиться без протеста и преступлений". Ведь вот что говорит учение о среде в противоположность христианству, которое, вполне признавая давление среды и провозгласившее милосердие к согрешившему, ставит, однако же, нравственным долгом человеку борьбу со средой, ставит предел тому, где среда кончается, а долг начинается». Но, как замечает писатель, «делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, которое только можно вообразить. Ведь этак табаку человеку захочется, а денег нет — так убить другого, чтобы достать табаку. Помилуйте: развитому человеку, ощущающему сильнее неразвитого страдания от неудовлетворения своих потребностей, надо денег для удовлетворения их — так почему ему не убить неразвитого, если нельзя иначе денег достать?» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 16].

Почему рядом с Раскольниковым сразу появляется Разумихин?

В романе рядом с Раскольниковым сразу появляется Разумихин, образ которого прямо опровергает теорию «среда заела». Зачастую его называют «социальным двойником» Раскольникова. Он действительно попадает в те же обстоятельства, что и Раскольников: его исключают из университета за неуплату, он живёт в такой же каморке, ему также никто не может помочь, но при этом герой не теряет жизнелюбия и любви к людям «и из всех сил спешил поправить обстоятельства»: «Никакие обстоятельства, — подчёркивает Достоевский, — казалось, не могли придавить его. Он мог квартировать хоть на крыше, терпеть адский голод и необыкновенный холод. <...> Он знал бездну источников, где мог почерпнуть, разумеется заработком» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 44].

Образ Разумихина явно недооценен [Юрьева, 2022]. А между тем, это, пожалуй, единственный сугубо «положительный герой» в творчестве Достоевского. В этом образе Достоевский воплотил свои представления об истинной «национальной личности», о национальном характере в самых разных его проявлениях.

Как отмечал В.А. Мысляков, «Разумихину поручена очень важная роль в романе: он должен в прямом, физическом, и широком, духовном, смысле спасти Раскольникова. Полемически-"почвенно"

заряженный против “социалистов”, Разумихин часто выговаривает то, что думает сам писатель. Он — доверенное лицо автора, в некотором отношении рупор его идей» [Мысляков, 1974, с. 160].

«Расторопный, и добрый» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 154], «необыкновенно веселый и сообщительный парень» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 43], «хлопотун» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 105] «преданный молодой человек», «славная личность» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 158], как характеризуют его герои и автор, Разумихин весь нацелен на помощь другим, на спасение, поддержку, защиту тех, кто в этом, по его мнению, нуждается.

За внешней грубостью в Разумихине скрываются добродушие, даже нежность. Как заботливый брат, он ухаживает за Раскольниковым: «Разумихин пересел к нему на диван, неуклюже, как медведь, обхватил левою рукой его голову, несмотря на то что он и сам бы мог приподняться, а правою поднес к его рту ложку супу, несколько раз предварительно подув на нее, чтоб он не обжегся», поит его «с чайной ложечки чаем, опять беспрерывно и особенно усердно подувая на ложку, как будто в этом процессе подувания и состоял самый главный и спасительный пункт выздоровления» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 95].

Притягательность Разумихина — в его естественной простоте, искренности, прямоте и открытости. В рукописных редакциях к роману Достоевский говорит о своем герое: «Разумихин очень сильная натура <...>» [Достоевский. 1972–1990, т. 7, с. 155].

Роман изобилует параллельными ситуациями, сопоставлениями, сравнениями, в которых читается очень близкое сходство героев. Но, с другой стороны, Разумихин все время противопоставляется Раскольникову.

Общность героев состоит в поиске ими опоры, той жизнестроительной идеи, которая поможет им выстроить вокруг нее свою жизнь. И если Раскольников находит эту идею в умозрительных построениях об устройстве всеобщей справедливости, а в конце концов, установлении собственной воли и власти, то Разумихин обретает смысл существования в любви. Так выстраивается бинарная оппозиция: мертвящая теория Раскольникова противостоит «живому процессу жизни» Разумихина. Разумихин очень точно и глубоко проникает в сущность идеи Раскольникова и становится главным его оппонентом, явно становясь «рупором авторских идей» в романе.

Характерно, что Разумихин не только выражает мысли Достоевского, которые мы потом встретим в «Дневнике писателя», но и несет в себе обладающие особым смыслом автобиографические детали: как предположил В.А. Викторович, прототипом Разумихина является брат писателя Михаил. Как замечает исследователь, Разумихин «несет те самые блестки веселости, которые ценил автор в брате Михаиле. Он, кажется, единственный в романе герой, который скрашивает мрачную картину жизни мягким незлобливым юмором» [Викторович, 2019, с. 45]. И хотя внешне Раскольников отторгает Разумихина, избегает общения с ним, но инстинктивно влечется к нему, ищет у него опоры, помощи и поддержки. Именно Разумихину поручает судьбу матери и сестры Раскольников, и не только потому, что у него «чистое сердце», но и потому, что он «дело смыслит» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 239]. Как отмечает В.А. Викторович, портрет Михаила Достоевского явственно проступает в образе Разумихина: в его горячей готовности к доброму делу, в его предприимчивости, в его упорстве, методичности, в его житейской сметливости» [Викторович, 2019, с. 49].

Но не полемическая и разоблачительная функция налагается на героя автором. Его миссия — спасительная. Как заметила Т.А. Касаткина, Разумихин — человек, в котором потом окажется «всему исход», то есть исход и для Раскольникова, и для его семьи, и для преступления, наказания и раскаяния [Касаткина, 2004, с. 105].

В образе Разумихина заложена мысль о том, что любовь, стремление помочь ближнему, желание воплотить в жизнь созидательную, деятельную мечту, преображает человека. К концу романа с Разумихиным происходят очень существенные метаморфозы: перед нами не драчун и выпивоха, этакий «русский безобразник» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 36], не сомневающийся в себе наивный юноша, но уверенно шагающий в будущее человек с «железной волей», действительно «сильная натура». Его путь — это путь от «русского безобразника» до «коренника». Как потом напишет Достоевский, такие люди «бросаются в чудовищные уклонения и эксперименты до тех пор, пока не установятся на такой сильной идее, которая вполне пропорциональна их непосредственной животной силе, — идее, которая до того сильна, что может наконец организовать эту силу и успокоить её до елейной тишины» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 128]. Разрушительной, убийственной идее Раскольникова противостоит созидательная, спасительная идея Разумихина.

В образе Разумихина Достоевский представляет, пожалуй, единственный в его романном творчестве образ чаемой им истинной русской «национальной личности», в котором сочетаются все лучшие свойства как народа, так и «образованного сословия». Разумихин и Раскольников являют собой редчайшую в русской литературе пару, воплощающую идею истинной дружеской привязанности, настоящего спасительного братства. И хотя в романе мы видим проявление «братских чувств» лишь со стороны Разумихина, но понимаем, что, как показывает В.В. Борисова, узы «братства» прочно связывают героев [Борисова, 2021]. Задумавший переезд в Сибирь, герой окажет Раскольникову деятельную помощь и поддержку в процессе его «воскрешения» и вхождения в новую жизнь «вразумит его», поможет встать на «путь истинный». В этом, пожалуй, и содержится особый смысл «искажения фамилии» героя, настоящая фамилия которого — «**В**разумихин». Очень важным и интересным представляется замечание Т.А. Касаткиной: «<…> настоящая его фамилия “Вразумихин” — в одном лишь эпизоде упомянутая в тексте и должная уже в силу несоответствия тому, как обычно называют этого героя, дополнительно сконцентрировать на себе внимание читателя — тоже является довольно очевидной отсылкой — на Первое послание апостола Павла Тимофею — где о Боге говорится, что Он «всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити» (1Тим. 2: 4) — и это помогает нам увидеть “второстепенного”, по восприятию многих читателей, героя в его настоящем размере: как наличествующий в романе образец человека, каким его хочет видеть Бог» [Касаткина, 2022, с. 11]. Ключ к разгадке фамилии Т.А. Касаткина видит в том, как слышат фамилию разные герои романа. Например, Петр Петрович Лужин называет героя «Рассудкин» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 231]. «И это, пожалуй, дает нам ключ к разгадке: фамилия Вразумихина запоминается каждым слышащим ее на том уровне, на котором он сам обладает умом: “все” величают его Разумихиным — поскольку на дворе — век автономного разума; Лужин обладает лишь нижним регистром ума — рассудком (умом в крайней степени автономии), и именно в этом регистре и запоминает фамилию» [Касаткина, 2022, с. 12].

Таким образом, сопоставляя образы Раскольникова и Разумихина, Достоевский опровергает учение об определяющем воздействии среды на человека, тем самым лишая нас возможности

оправдать Раскольникова сложившимися в его жизни безвыходными обстоятельствами.

Вопрос к классу: **«Какими мотивами руководствуется Раскольников, оправдывая свой замысел?»**

Как мы видим, Раскольников выстраивает очень убедительную систему мотивов, которые, казалось бы, полностью оправдывают его преступление:

- помочь матери;
- спасти Дуню от брака с Лужиным;
- закончить университет, чтобы сделаться «благодетелем человечества»;
- помочь бедным и униженным, таким, как Сонечка, Елизавета.

Очень важны и оправдания морального плана:

- «освободить мир от зла» — как нравственное оправдание убийства старухи процентщицы;
- осчастливить человечество своим «будущим великим подвигом».

И читатель, испытывая к герою симпатию и сочувствие, подчиняется логике героя, его «казуистике», истончившейся, «как бритва».

Особенно важно и значимо, какой предстает перед читателем жертва Раскольникова. Весьма интересен и вызывает бурную полемику очень важный и значимый вопрос: **«А если бы Раскольников убил другого человека?»** Пытались ли бы мы оправдать героя, сочувствовали бы ему? Следили бы с тревогой за ходом расследования, переживая, как удастся герою выбраться из квартиры убитой процентщицы, с облегчением наблюдая, как Порфирий Петрович безрезультатно пытается разоблачить героя? Почему писатель представляет нам вредную, отвратительную, жадную и жестокую старуху, которая на чужом горе наживается, из бедных последние соки высасывает? Даже внешне старуха отвратительна: «<...> крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с вострыми и злыми глазками, с маленьким вострым носом и простоволосая. Белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом. На ее тонкой и длинной шее, похожей на куриную ногу, было наверчено какое-то фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтелая меховая кацавейка. Старушонка поминутно кашляла и кряхтела» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 8]. Она — воплощение зла, она не человек, она «тварь», «вошь». Очень важно

обратить внимание учащихся на представленный Достоевским «механизм расчеловечивания», который помогает убийце оправдать задуманное злодеяние, не испытывая к жертве ни жалости, ни сочувствия.

Можно ли сочувствовать такому существу? И на провокационный вопрос к классу, жаль ли им убитую старуху, ученики дружно выдыхают: «Нееет!» В этом суть той нравственной провокации, которой подвергает читателя Достоевский, как бы проверяя степень его моральной устойчивости, приверженности вечным нравственным законам. «Так ей и надо», — произносит читатель и становится соучастником преступления.

Особенно важно обратить внимание учеников на то, что, как писал К.А. Степанян, «если вы изначально уже видите, в чем неправота этой логики, этой “арифметики”, вам будет легко принять и понять роман “Преступление и наказание”. Если же и вам эта логика представляется хотя бы в некоторой степени убедительной, задумаемся вот над чем. Человек на земле, конечно, многое может, но еще никому и никогда не удавалось создать жизнь, т.е. из неживого создать живое. <...> божественное начало в каждом из нас знает, что жизнь — чудесный дар, который не дается дважды, и потому очень мало кто из людей решается совершить такое преступление, даже логически обоснованное» [Степанян, 2014, с. 8–9].

Далее важно показать, что сформулированные выше мотивы предлагает читателю не автор, а именно герой, и проследить, как все эти мотивы опровергаются в процессе повествования. Для этого можно выстроить систему вопросов по тексту, в процессе ответов на которые учащиеся должны убедиться, что все выдвинутые Раскольниковым мотивы — ложные. Например: **«Почему Раскольников голоден?», «Волнует ли героя то, как он одет?», «В какой комнате живет герой? Почему», «Почему у него нет денег?».**

Учащиеся должны выполнить задание: найти в тексте и объяснить смысл таких замечаний автора и эпизодов: «даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его. Насущными делами своими он совсем перестал и не хотел заниматься» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 5], он совсем не «совестился своих лохмотьев на улице» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 6], почему отказывался от принесенной ему Настасьей еды, отказался от предложенной Разумихиным возможности заработать неплохие

деньги. Таким образом, все мотивы, которые «оправдывали» бы преступление социальными причинами, опровергаются, и возникает вопрос: **«А каковы истинные мотивы преступления?»**

В самом начале писатель предостерегает читателя от заблуждения, показывает, что стесненное положение Раскольникова, те обстоятельства, в которых он находится, не имеют прямого отношения к задуманному им преступлению. И один из главных аргументов в пользу этого утверждения можно выявить, ответив на вопрос: **«Воспользовался ли Раскольников деньгами старухи?»**. (Обратить внимание на то, что эпизод, когда Раскольников прячет деньги под камнем, как бы имитирует похоронный ритуал, который потом отзовется в его словах «разве я старушонку убил? Я себя убил» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 322]). Понятно: если Раскольников не воспользовался деньгами старухи, значит преступление его носит отнюдь не «уголовный» характер и совершено не с целью обогащения, значит мотивы его совершенно другие — к такому выводу должны прийти учащиеся. Знает об этом и сам Раскольников, признаваясь: «Знаешь, Соня, — сказал он вдруг с каким-то вдохновением, — знаешь, что я тебе скажу: если б только я зарезал из того, что голоден был, — продолжал он, упирая в каждое слово и загадочно, но искренно смотря на нее, — то я бы теперь... *счастлив* был! Знай ты это!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 318].

Достоевский сразу указывает, что герой с некоторого времени «был в раздраженном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 5]. Он «решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу», что, как отмечает Достоевский, свойственно для «мономанов», то есть людей, погруженных в какую-то мысль, «слишком на чем-нибудь сосредоточившихся» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 25, 26], пытающихся разрешить какие-то очень важные вопросы. «Впрочем, все эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наболевшие, давнишние. Давно уже как они начали его терзать и истерзали ему сердце. Давным-давно как зародилась в нем вся эта теперешняя тоска, нарастала, накоплялась и в последнее время созрела и концентрировалась, приняв форму ужасного, дикого и фантастического вопроса, который замучил его сердце и ум, неотразимо требуя разрешения» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 39]. Так писатель показывает, что сознание героя

охвачено какой-то мыслью, «мечтой», и он готовится не просто к преступлению, а к какому-то делу, отличающемуся «безобразною, но соблазнительною дерзостью» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 7], называя это «дело» «новым собственным словом», «новым шагом» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 6].

Излагая замысел романа, Достоевский пишет редактору журнала «Русский вестник» М.Н. Каткову о главном герое: «<…> ему — совершенно случайным образом удается совершить свое предприятие и скоро и удачно <…> Никаких на него подозрений нет и не может быть. Тут-то и развертывается весь психологический процесс преступления. Неразрешимые вопросы восстают перед убийцею, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 137].

Как указывает Б.Н. Тихомиров, «принципиальным отличием исходной ситуации в романе является то, что “неразрешимые вопросы” “восстают” перед Раскольниковым еще до преступления» [Тихомиров, 1996, с. 258]

Получив письмо матери, которое «как громом в него ударило», он решил, «что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями о том, что вопросы неразрешимы, а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее. Во что бы то ни стало надо решиться, хоть на что-нибудь, или… “Или отказаться от жизни совсем! — вскричал он вдруг в исступлении, — послушно принять судьбу, как она есть, раз навсегда, задушить в себе всё, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить!”» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 39]. Таков максимализм героя: всё или ничего! Главное — действовать. «Без преувеличения, эти строки — важнейшая кульминация всей первой части романа вплоть до момента, когда Раскольников взмахнул топором над головой старухи. Герой принимает окончательное решение. Но принимает его при ясном сознании не только неразрешенности, но и неразрешимости тех вопросов, “которые замучили его сердце и ум”. И в этом, пожалуй, главный контрапункт “Преступления и наказания” в целом» [Тихомиров, 1996, с. 259].

«Вдруг он вздрогнул: одна, тоже вчерашняя, мысль опять пронеслась в его голове. Но вздрогнул он не оттого, что пронеслась эта мысль. Он ведь знал, он *предчувствовал*, что она непременно “пронесется”, и уже ждал ее; да и мысль эта была совсем не вче-

рашняя. Но разница была в том, что месяц назад, и даже вчера еще, она была только мечтой, а теперь... теперь явилась вдруг не мечтой, а в каком-то новом, грозном и совсем незнакомом ему виде, и он вдруг сам сознал это... Ему стукнуло в голову, и потемнело в глазах» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 39].

Что же это за «мечта»? Почему она имеет такую власть над героем? Каковы истинные мотивы преступления Раскольникова?

ИДЕЯ РАСКОЛЬНИКОВА.

Писатель был убежден, что именно идеи определяют жизнь человека и общества, играют решающую роль в истории человечества. История движется идеями, и характер той или иной эпохи определяется в первую очередь тем, какие идеи господствуют в сознании людей, живущих в ту или иную эпоху. «<...> Торжествуют не миллионы людей и не материальные силы, по-видимому, столь страшные и незыблемые, не деньги, не меч, не могущество, а незаметная вначале мысль, и часто какого-нибудь, по-видимому, ничтожнейшего из людей», — писал Достоевский в «Дневнике писателя» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 47].

Достоевский утверждал, что мысли реально существуют в пространстве и времени по каким-то еще неизвестным людям «таинственным законам», люди называют их идеями. В «Дневнике писателя» читаем: «Идеи летают в воздухе, но непременно по законам; идеи живут и распространяются по законам, слишком трудно для нас уловимым; идеи заразительны <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 51].

«Как художник, Достоевский, — отметил М.М. Бахтин, — не создавал своих идей так, как создают их философы или ученые, он создавал живые образы идей, найденных, услышанных, иногда угаданных в самой действительности, то есть идей, уже живущих или входящих в жизнь как идеи-силы», «как художник Достоевский часто угадывал, как при определенных изменившихся условиях будет развиваться и действовать данная идея, в каких неожиданных направлениях может пойти ее дальнейшее развитие и трансформация» [Бахтин, 1979, с. 28].

Можно сказать, что роман «Преступление и наказание» — это религиозно-философское и художественное исследование идеи, ее силы, ее влияния на душу и сознание человека. В своем романе Достоевский показывает власть идеи над человеком. Причем, не

эмпирическую, а истинную, реальную, материально выраженную власть.

Проницательный Порфирий Петрович заподозрил Раскольникова после того, как прочитал его статью «О преступлении», о которой сам герой давно уже забыл. Что же дало повод Порфирию Петровичу понять, что это именно он совершил убийство, хотя ни явных мотивов, ни улик у него не было? Более того, Раскольников был ему даже симпатичен. Прочитав статью, Порфирий понял: «Тут дело фантастическое, мрачное, дело современное, нашего времени случай-с, когда помутилось сердце человеческое; когда цитуется фраза, что кровь “освежает”; когда вся жизнь проповедуется в комфорте. Тут книжные мечты-с, тут теоретически раздраженное сердце <...>. Дверь за собой забыл притворить, а убил, двух убил, по теории» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 348].

Традиционно статья Раскольникова рассматривается как источник сведений о теории Раскольникова о «двух разрядах». В ней герой доказывает, что все люди делятся на два разряда: «на низший (обыкновенных), и собственно на людей (необыкновенных, избранных)». Очень важно ответить на вопрос: **«В чем же, по Раскольникову, принципиальное различие между “обыкновенными” и “необыкновенными” людьми?»**. А отличаются они только одним: «необыкновенный» имеет «дар или талант сказать в среде своей *новое слово*» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 200], то есть предложить миру новую, «спасительную» идею, и ради ее воплощения в жизнь «перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 200].

«Необыкновенный» человек, как полагает Раскольников, имеет право «разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия», если «исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 199]. «По-моему, — рассуждает герой, — если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия вследствие каких-нибудь комбинаций никоим образом не могли бы стать известными людям иначе как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию или ставших бы на пути как препятствие, то Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан... *устранить* этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству» [Достоевский. 1972–1990, т. 6, с. 199]. «Иначе говоря: благая цель оправдывает любые средства

(принцип иезуитов). Ценность человеческой жизни здесь относительна, ценность идеи (“иногда” и “может быть” спасительной для человечества) — абсолютна. Для Раскольникова это неоспоримая аксиома» [Ветловская, 1996, с. 75].

Как утверждает Раскольников, все «законодатели и установители человечества», от древнейших и продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами были преступниками, ведь чтобы установить новый закон, нужно нарушить, переступить прежний. Во имя своей идеи они имеют право «разрушить настоящее во имя лучшего», «перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь», «внутри себя, по совести» «дать себе разрешение перешагнуть через кровь» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 200]. Как замечает В.Е. Ветловская, «величину идеи определяет тот, кому она принадлежит, определяет по собственному усмотрению, и, уж конечно, трудно допустить, что кто-то ошибется и преуменьшит, а не преувеличит ее размеры». [Ветловская, 1996, с. 76–77].

Б.Н. Тихомиров отмечает, что идея Раскольникова имеет прототип в европейской философии. Раскольников замечает, что статья написана «по поводу одной книги» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 198], и была ею книга Наполеона III «История Юлия Цезаря». «В чем суть идеи Наполеона III, взятой в ее этическом и правовом аспектах? В утверждении неподсудности “великих” законам и нормам общечеловеческой морали, в требовании судить их (а точнее — о них) в иной логике и по иным законам. И, с другой стороны, в обязанности народов послушно следовать по пути, начертанному “великими”» [Тихомиров, 2012, с. 319]. «Идеи заразительны...».

Разделив людей на два разряда, Раскольников должен решить главный вопрос — к какому разряду принадлежит он сам? «Тварь он дрожащая» или «право имеет»? И, желая доказать прежде всего себе, что он принадлежит к разряду «право имеющих», он решается на поступок, который должен помочь ему «выйти из колеи». Так Достоевский показывает «диалектику преступления»: идея «цель оправдывает средства» (не случайно же он обоbörонил: «У иезуитов научимся» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 199]) — ее теоретическое обоснование (теория двух разрядов) — реализация, воплощение «на практике» (убийство старухи-процентщицы).

Достоевский показывает, как Раскольников, чувствуя свою страшную зависимость, пытается освободиться от власти идеи, когда, измученный скитаниями по жаркому Петербургу, обессиленный

мыслями и сомнениями, падает в изнеможении на траву, мгновенно засыпает и видит «страшный сон». Раскольников увидел себя в детстве, как он идёт с отцом по дороге к кладбищу, проходит мимо кабака и становится свидетелем жуткой сцены убийства Миколкой жалкой «клячонки». Проснувшись, Раскольников в ужасе думает: «“Боже! <...> да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей череп... буду скользить в липкой, тёплой крови, взламывать замок, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... с топором... Господи, неужели?” Он дрожал, как лист, говоря это» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 50].

Раскольников вдруг сознает, что не сможет осуществить свой ужасный замысел: «Нет, я не вытерплю, не вытерплю! Пусть, пусть даже нет никаких сомнений во всех этих расчётах, будь это всё, что решено в этот месяц, ясно как день, справедливо как арифметика. Господи! Ведь я всё же равно не решусь! Я ведь не вытерплю, не вытерплю!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 50]. Герой обращается к Господу с мольбой о спасении, и с облегчением чувствует, что «сбросил с себя страшное бремя, давившее его так долго, и на душе его стало вдруг легко и мирно. “Господи! — молил он, — покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!”». Он почувствовал: «Точно нарыв на сердце его, нарывавший весь месяц, вдруг прорвался. Свобода, свобода! Он свободен теперь от этих чар, от колдовства, обаяния, от наваждения!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 50].

Учащиеся должны ответить на вопрос**: «Почему Раскольников называет свою идею “колдовством”, “наваждением”, “чарами”?».** А тем самым Раскольников определяет «придавившую» его идею как некую внеположную силу, над которой он не властен. Не потому ли освобождения не произошло? Вера в нем слаба, а властвующая над ним идея сильна и всемогуща. Именно она ведет героя, руководит не только его мыслями, но и действиями, поступками, поэтому он «наклонен был видеть некоторую как бы странность, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 52].

«Великий *реалист* и вместе с тем великий мистик, Достоевский чувствует призрачность реального: для него жизнь — только явление, только покров, за которым таится непостижимое и навеки скрытое от человеческого ума» [Мережковский, 1991, с. 112].

Размышляя потом о своем преступлении, Раскольников поражался и «никак не мог понять и объяснить себе, почему он, усталый,

измученный, которому было бы выгоднее возвратиться домой самым кратчайшим и прямым путем, воротился домой через Сенную площадь», сделав хоть и «небольшой, но очевидный и совершенно ненужный» крюк [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 50]? Как будто только для того, чтобы узнать, что завтра в семь часов старуха останется одна и окончательно решиться на преступление. «Он вошёл к себе, как приговорённый к смерти. Ни о чём он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что всё вдруг решено окончательно» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 52].

Г.К. Щенников замечает, что одной из самых сложных проблем достоевсковедения является «исследование взаимодействия двух уровней в целостной поэтической структуре его произведений: эмпирического, то есть “текущего”, социально-бытового и психологического, и метафизического — бытийного, вечного. Современные исследователи приходят к выводу, что метафизическое и эмпирическое у Достоевского трудно разделить. Неразделимость обоих планов означает их взаимопроникновение: метафизическое не только дает глубинное, конечное объяснение эмпирическому, еще и вырастает из эмпирического субъективного опыта, из межличностных отношений — и открывается читателю в непосредственных переживаниях и реакциях персонажей» [Щенников, 2001, с. 18]. Особенно явственно взаимодействие двух планов романа актуализируется в изображении идеи как внеположной, существующей «по законам, слишком трудно для нас уловимым», «материальной» силы. Как замечает Достоевский о своем герое, «во всем этом деле он всегда потом склонен был видеть некоторую как бы странность, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений» [Достоевский. 1972–1990, т. 6, с. 52]

Для того, чтобы понять, как Достоевский показывает власть идеи над человеком, нужно, чтобы учащиеся выполнили задание по тексту: **«В каких эпизодах показана “мистическая” сила идеи?»**

Показывая власть идеи над человеком, Достоевский представляет в романе цепь эпизодов, которые только на первый взгляд могут показаться случайными. Так, «перед тем, как решиться на преступление, Раскольников слышит в трактире за биллиардом разговор двух неизвестных лиц о старухе-процентщице, его будущей жертве: весь план убийства, все нравственные мотивы до последней

подробности подсказаны ему как будто судьбой. Незначительный факт, но он имеет огромное влияние на решимость Раскольникова, и это — роковая случайность» [Мережковский, 1991, с. 111].

Готовясь к убийству, Раскольников пришивает внутри пальто петлю и рассчитывает взять топор в кухне, но выйдя «на дело», обнаруживает там Настасью и в отчаянии понимает, что задуманное дело срывается из-за такого пустяка: «И какой случай навсегда потерял!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 59]. И должен он вернуться в свою каморку, но какая-то сила влечет его во двор, где он вдруг видит блеснувший под лавкой топор в каморке дворника. «“Не рассудок, так бес!” — подумал он, странно усмехаясь» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 60].

Как замечает К.А. Степанян, состояние Раскольникова свойственно многим людям, «как бы и не желающим совершить грех, но уже настолько подчинивших себя злу, что недостает воли и сил на сопротивление» [Степанян, 2014, с. 83–84].

Раскольников явственно чувствует свою зависимость от некой силы: «Последний же день, так нечаянно наступивший и все разом порешивший, подействовал на него почти совсем механически: как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественной силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 58]. Этой силе противиться герой не в состоянии, и он пытается персонифицировать ее в некие привычные и понятные образы: «Не рассудок, так бес!»; «Кстати, Соня, это когда я в темноте-то лежал и мне все представлялось, это ведь дьявол смущал меня? а?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 321]; «Я ведь и сам знаю, что меня черт тащил»; «А старушонку эту черт убил, а не я» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 322]. Так подчеркивается дьявольская природа захватившей сознание героя идеи, что понимает и Соня: «Вас Бог поразил — дьяволу предал» [Достоевский. 1972–1990, т. 6, с. 321], — говорит она Раскольникову. Раскольников как будто пытается укрыться: не я, «бес попутал». Но, как замечает К.А. Степанян, «духи зла не обладают ни самостоятельной силой, ни возможностью реализовать свои желания — они могут сделать это только через человека, который впускает их в свою душу, соглашается с ними и становится тем самым их орудием» [Степанян, 2014, с. 117].

Далее необходимо, чтобы учащиеся по тексту восстановили «алгоритм преступления», который представлен в романе и кото-

рый имеет универсальный, актуальный во все времена характер. Вопрос: **«Какие условия создает для себя Раскольников, чтобы решиться на убийство?»**

Захваченный идеей и теоретически обосновавший ее в своей статье, Раскольников все свои усилия направляет на то, чтобы создать условия для ее осуществления. Достоевский показывает, что обычный, «нормальный» человек, каким предстает Раскольников в своих лучших проявлениях, совершить преступление не может.

Здесь важно, чтобы учащиеся ответили на заданные заранее вопросы-задания: **«Какие поступки Раскольникова показывают, что он, по сути своей, “нормальный человек”, добрый, отзывчивый, сострадательный?»** (Ухаживает за больным другом, спасает детей из огня, пытается помочь девочке на бульваре, отдает последние деньги Мармеладовым, и т.д.). Здесь нужно акцентировать мысль на двойственности характера Раскольникова. Как говорит о нем Разумихин: «Угрюм, мрачен, надменен и горд <...> мнителен и ипохондрик. Великодушен и добр. Чувств своих не любит высказывать, и скорей жестокость сделает, чем словами выскажет сердце. Иногда, впрочем, вовсе не ипохондрик, а просто холоден и бесчувственен до бесчеловечия <...>. Не насмешлив, и не потому, чтобы остроты не хватало, а точно времени у него на такие пустяки не хватает. <...> Никогда не интересуется тем, чем все в данную минуту интересуется. Ужасно высоко себя ценит и, кажется, не без некоторого права на то» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 165].

Для того, чтобы совершить преступление, «нормальному человеку» нужно «выйти из нормы», преодолеть «слишком человеческое» в себе, т.е. перейти из разряда «обыкновенных» людей в разряд «необыкновенных», а для этого необходимо довести себя до последней степени морального и физического истощения, «озлиться», порвать все связи с миром, погрузившись в полное одиночество. Именно так обозначает Достоевский алгоритм пути к преступлению: озлобление и полное уединение. Раскольников всеми силами добивается того, что «тупая, зверская злоба» закипала в нем по всякому поводу, и он испытывал «бесконечное, почти физическое отвращение ко всему встречавшемуся, упорное, злобное, ненавистное», когда «гадки были все встречные», «просто наплевал бы на кого-нибудь, укусил бы, кажется, если бы кто-нибудь с ним заговорил» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 87]. Раскольников стремится уйти, «как черепаха,

в свою скорлупу», укрыться в мире своей идеи, добиться того, чтобы никого не любить, и чтобы его никто не любил.

Вопрос-задание классу: **«В каких символических деталях Достоевский фиксирует процесс уединения и разрыва Раскольникова с миром людей?»**

Одна из таких символических деталей — серебряные часы, которые герой относит старухе «на пробу», единственное, что осталось у него в память об отце. Отдавая отцовские часы, Раскольников как бы разрывает связь со своей семьей, своим родом, да и со всем миром, — ведь на крышке часов изображен глобус.

Есть в романе и ещё одна символическая деталь: двугривенный, поданный Раскольникову купчихой в «козловых башмаках» и девушкой «с зелёным зонтиком». Стоит обратить внимание на эту цветовую деталь, выбивающуюся из петербургской цветовой гаммы и как бы фиксирующей внимание читателя на эпизоде. Как заметила Т.А. Касаткина, «зеленый зонтик связывает приведенный эпизод с описанием церкви с зелеными куполом из сна Раскольникова, той церкви, в которую он ходил в детстве, когда вера крепка была в его душе. Из-под купола этой церкви и протягивается милующая рука. То, что кажется давно прошедшим и беспредельно далеким, оказывается всегда присутствующим рядом — только оглянись, только откликнись, только прими. И Соня, покрытая зеленым драдедамовым платком, оказывается всегда под сводами детской церкви Раскольникова и становится его вожатым, шаг за шагом обеспечивающим его возвращение. (Соня и живет в доме зеленого цвета)» [Касаткина, 2004, с. 113]. Но Раскольников, размахнувшись, бросил в воду этот знак жалости, сочувствия и милосердия, «затем повернулся и пошёл домой. Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя от всех и всего в эту минуту» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 90]. Отрезать себя от всего, что делает человека человеком, разорвать все связи с миром, отказаться от облика человеческого — и вот уже «торжество самосохранения», «спасение от давившей опасности» дают Раскольникову «минуту полной, непосредственной, чисто животной радости». Преступление ещё больше отдаляет Раскольникова от людей, для него наступает странное время: «<...> точно туман упал вдруг перед ним и заключил его в безвыходное и тяжелое уединение» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 335]. Раскольников пытается создать для себя такие условия, при которых становятся невозможными и ненужными такие понятия, как любовь, дружба,

сочувствие, сопереживание. Об одном он мечтает — не любить никого, и чтобы его никто не любил. Подавить в себе все чувства, кроме злобы — и тогда можно жить с мыслью о злодеянии. Переполненный «желчью» и злобой человек — лёгкая добыча дьявольской идеи.

Раскольников все свои силы направляет на то, чтобы создать такие условия, в которых преступление становится единственно возможным выходом и действием. И немаловажную роль играет в этом то пространство, в котором он существует. Он не только доводит себя до отчаянной нищеты и физического истощения, но и загоняет себя на «аршин пространства» (можно сказать, что это созданная задолго до ее появления формула теории относительности), исходом из которого может быть лишь воплощение «безобразной мечты своей». В романе Достоевского мы видим воплощение закона об обратном воздействии пространства на человека. То есть, вначале человек творит пространство для своего существования, а потом пространство начинает творить его. «Если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя» (Ф. Ницше).

Анализируя художественное пространство романа, учащиеся должны ответить на вопросы: **«С чем сравнивается в романе комната Раскольникова?», «По каким улицам бродит герой?», «Каким предстает в романе Петербург?»**

Знаменательно, что комнату, в которой обитает герой, сравнивают и с «сундуком», и с «каютой», и «шкафом», и «гробом». Но очень важно признание Раскольникова Соне: «Я тогда, как паук, к себе в угол забился. Ты ведь была в моей конуре, видела... А знаешь ли, Соня, что низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят! О, как ненавидел я эту конуру! А все-таки выходить из нее не хотел. Нарочно не хотел!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 320]. «Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гроб, — сказала вдруг Пульхерия Александровна, прерывая тягостное молчание, — я уверена, что ты наполовину от квартиры стал такой меланхолик. — Квартира — отвечал он рассеянно. — Да, квартира много способствовала... я об этом тоже думал... А если бы вы знали, однако, какую вы странную мысль сейчас сказали, маменька, — прибавил он вдруг, странно усмехнувшись» [Достоевский. 1972–1990, т. 6, с. 178].

Необходимо подчеркнуть, что Раскольников сознательно выбирает «безобразное» пространство: запирается в комнате, «шляется» по пыльным и вонючим черным лестницам, бродит по «темным и узким» улицам и переулкам, и «ему вся эта обстановка нравилась»:

«В последнее время его даже тянуло шляться по всем этим местам, когда тошно становилось, “чтоб еще тошней было”» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 122]. Деформированное пространство выступает как модель его деформированного, искаженного идеей сознания, ведь только в таком пространстве могла существовать его «безобразная» идея. «Шляясь» по грязным, зловонным, душным переулкам, он впитывает те «мрачные, резкие и странные влияния» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 357], которые оказывает на душу человека Петербург. Даже параллельно-перпендикулярная архитектоника города сочетается с его бездушной «арифметикой». Петербург в романе неотделим от идеи Раскольникова, более того, в другом городе она и не могла зародиться. Как показывает Н.Н. Подосокорский, убийство старухи в картине мира Раскольникова означает именно становление нового петербургского Наполеона [Подосокорский, 2022, с. 119]. Недаром он признается Соне: «Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил…» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 318].

Учащимся можно задать вопрос: **«В какой степени изображенный в романе город можно называть, как принято, “Петербургом Достоевского”?»** Возможно, это Петербург не Достоевского, а Раскольникова? Хронотоп его души и сознания? (как показывает В.А. Викторович, роман Достоевского — это «роман сознания») [Викторович, 2023].

Так Достоевский показывает сокрушительную власть «ложной идеи» над человеком. Она подчиняет себе все мысли, поступки, действия человека, убивает в нем человека. Раскольников признается: «У меня тогда одна мысль выдумалась, в первый раз в жизни, которую никто и никогда до меня не выдумывал!» — и ради этой мысли возомнивший себя «необыкновенным» человеком он «захотел *осмелиться* и убил», и в этом «вся причина» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 321]. «Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил; для себя одного <…> мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу? Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая, или *право* имею?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 322].

Как замечает В.Н. Захаров, «новое слово», которое сказал Раскольников, состоит в том, что «теория Раскольникова разрешает преступление “*по совести*”, “кровь *по совести*”. Это действительно

попытка сказать “*новое слово”* в философии». «Раскольников не только посягнул на нравственный закон “не убий” — в своей теории он оправдал “кровь *по совести*”.

Лизавета случайно оказалась на месте преступления, но не случайно Достоевский свел лицом к лицу Раскольникова и Лизавету. Это испытание героя и его теории: убьет или не убьет. По теории не должен убить — не “*по совести”*, но он убил и уже не мог поступить иначе и убил бы любого — Коха, Пестрякова, кого угодно, кто встал бы на его пути. Убийство кроткой Лизаветы, которое Раскольников уже не мог не совершить, — сокрушительный удар по идее героя, начало распада ее. Уже в момент совершения преступления он убеждается в несостоятельности своей теории: преступление и совесть несовместимы, любое преступление бессовестно» [Захаров, 2007, с. 531–532].

Об этом с ужасом говорит Разумихин: «Ты, конечно, прав, говоря, что это не ново и похоже на все, что мы тысячу раз читали и слышали; но что действительно *оригинально* во всем этом, — и действительно принадлежит одному тебе, к моему ужасу, — это то, что все-таки кровь *по совести* разрешаешь, и, извини меня, с таким фанатизмом даже...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 202–203].

В рукописных редакциях к роману Достоевский говорит о герое: «В *его образе* выражается в романе мысль непомерной гордости, высокомерия и презрения к этому обществу. Его идея: взять во власть это общество. Деспотизм — его черта. *Она* ведет ему напротив.

NB. В художественном исполнении не забыть, что ему 23 года.

Он хочет властвовать — и не знает никаких средств. Поскорей взять власть и разбогатеть. Идея убийства и пришла ему готовая.

NB. Чем бы я ни был, что бы я потом ни сделал, — был ли бы я благодетелем человечества или сосал бы из него, как паук, живые соки — мне нет дела. Я знаю, что я хочу владычествовать, и довольно» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 155].

Раскольников признается: «Я догадался тогда, Соня, — продолжал он восторженно — что власть дается только тому, кто посмеет наклониться и взять ее. Тут одно только, одно: стоит только посметь! <...> Я... я захотел *осмелиться* и убил... я только осмелиться захотел, Соня, вот вся причина!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 321]. И эти признания окончательно опровергают социальные истоки и мотивы преступления, выявляют **истинные** мотивы —

«осмелиться», доказать себе, что он «право имеет», «взять власть», сделаться Наполеоном, возвыситься над «муравейником».

Достоевский убеждает читателя, что совершить преступление «по совести» невозможно. Преступление всегда — только против совести. Ведь совесть — это религиозно-нравственное понятие, это осознание своей связи с людьми, с миром, с Богом, осознание своей ответственности перед ними. Но, как замечает Б.Н. Тихомиров, «концентрированным выражением и итогом раскольниковских теоретических построений» становится вывод, что задуманное им «не преступление» «Убийство — *не* преступление, может быть *не* преступлением; есть такие ситуации, когда оно является преступлением только формально-юридическим, а не по своей глубинной сути, и человек не только “право имеет”, но порой и “обязан” совершить его. К этой своей заветной идее Раскольников вновь и вновь возвращается на протяжении романа, обосновывая ее многократно — и апеллируя к логике всемирной истории <...>» [Тихомиров, 2005, с. 23].

Как писал еще Д.С. Мережковский, «преступление его идейное, т.е. вытекает не из личных целей, не из эгоизма, как более распространенный тип нарушения закона. А из некоторой теоретической и бескорыстной идеи, каковы бы ни были ее качества» [Мережковский, 1991, с. 114]. А «идейное» преступление тем и страшно, что идея оправдывает любое злодеяние, освобождая человека от чувства ответственности, осознания вины и необходимости раскаяния.

Важным смысловым нюансом может стать и то, что идея Раскольникова зародилась по «закону отражения идей», когда, как заметил Достоевский в «Дневнике писателя», «сознание своего совершенного бессилия помочь или принести хоть какую-нибудь пользу или облегчение страдающему человечеству, в то же время при полном вашем убеждении в этом страдании человечества, может даже обратить в сердце вашем любовь к человечеству в ненависть к нему». Из этой любви-ненависти и рождаются «чугунные идеи», которые «сваливаются» на человеческие души, придавливают их, «так что вся остальная их жизнь состоит как бы из корчей и судорог под свалившимся на них камнем» [Достоевский? 1972–1990, т. 24, с. 48].

«Найденный Достоевским в его первом великом философском романе гениальный “ход”, когда герой мыслитель, герой-философ поставлен жизнью в трагическое положение, когда он вынужден

принимать решения и действовать в “неразрешимой ситуации”, оказывается мощным стимулом к развитию, углублению его идеи, определяя особый характер и особую направленность “жизни идеи” в произведении. В прошлом студент-юрист, профессионально размышляющий над вопросами преступления, вины, наказания, правда, мыслящий в масштабе всей мировой истории, Раскольников в своих философских построениях, в “идее” пытается найти для себя опору в ситуации, когда надо “не тосковать, не страдать пассивно одними рассуждениями о том, что *вопросы неразрешимы,* а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее”. “Идея” героя — это поиск выхода из безвыходного положения. Это отчаянная и обреченная попытка “философски” преодолеть трагедийную ситуацию. Но именно поэтому — и великий *соблазн,* чреватый порчей человеческого духа, духовной смертью» [Тихомиров, 2005, с. 22]. Пришедшая под видом спасительной, идея становится губительной, подчиняя не только сознание, но саму жизнь героя, и власти ее он противиться не может.

Вопрос к классу: **«Осуществил ли Раскольников свой замысел помочь матери, сестре, Соне, Лизавете?»**

Совершая свое преступление, Раскольников полагает, что сможет помочь своей сестре, матери, всем «униженным и оскорбленным» — таким, как Лизавета, Сонечка. Но вместо этого он еще более усугубляет трагическое положение всех этих людей. Одно преступление влечет за собой другое. Он хотел убить отвратительную «вошь», старуху-процентщицу, но убил и ее сестру Лизавету, ради которой, казалось бы, замышляет свое преступление, и ее не родившегося ребенка. Он желал освободить Дуню от брака с Лужиным, но своим преступлением обрекает ее на страдания, ставит ее в полную зависимость от Свидригайлова — ведь узнав о том, кто убийца, Свидригайлов шантажирует Дуню. И, наконец, Раскольников совершает самое страшное преступление — убивает свою мать: ведь только допустив мысль, что ее Роденька может оказаться убийцей, она сходит с ума и умирает.

Как писал Д.С. Мережковский, «в теории существование старухи бесполезно и даже вредно — можно было, по-видимому, так же легко и спокойно зачеркнуть его, как зачеркивают лишние слова в написанной фразе. Но в действительности жизнь никому не нужного существа тысячами невидимых и недоступных анализу нитей оказалась связанною с жизнью людей, совершенно ей чуждых,

начиная от маляра Николки и кончая матерью Раскольникова» [Мережковский, 1991, с. 121].

И, наконец, главное признание героя: «Не для того, чтобы матери помочь, я убил — вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного: а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и их всех живые соки высасывал, мне, в ту минуту, все равно должно было быть!.. И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько деньги нужны были, как другое... Я это все теперь знаю... Пойми меня: может быть, тою же дорогой идя, я уже никогда более не повторил бы убийства. Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или *право* имею...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 322].

Таким образом, истинное ПРЕСТУПЛЕНИЕ (то есть понятие, вынесенное в заглавие романа) — не убийство старухи — оно только следствие **главного преступления — идеи**, которая, охватив сознание Раскольникова, подчинила его себе, разъединила с миром людей, толкнула его к убийству. В романе Достоевский показывает силу идеи, ее влияние на сознание и жизнь человека и показывает, что сама по себе «ложная» идея может быть преступлением. И очень важным является многоаспектный анализ понятия «НАКАЗАНИЕ». Что является в романе истинным наказанием? Какие смысловые дефиниции вкладывает Достоевский в это понятие? Что становится наказанием именно для Раскольникова и НАКАЗАНИЕМ в более широком смысле?

Список литературы

1. Бахтин, 1979 — *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. 318 с.

2. Борисова, 2021 — *Борисова В.В.* «Братья и сестры» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: поэтика образов // *Борисова В.В.* Актуальный Достоевский: тексты и контексты. Уфа: АртПринт, 2021. С. 103–109.

3. Ветловская, 1996 — *Ветловская В.Е.* Логическое опровержение противника в «Преступлении и наказании» Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб: Наука, 1996. Вып. 13. С. 74–87.

4. Викторович, 2019 — *Викторович В.А.* «Были бы братья...»: М.М. Достоевский как прототип Разумихина // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2019. Вып. 22. С. 41–55.

5. Викторович, 2023 — *Викторович В.А.* «Преступление и наказание» как роман сознания // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 3 (23). С. 28–42. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-28-42

6. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

7. Захаров, 2007 — *Захаров В.Н.* «Православное воззрение»: идеи и идеал // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты / под.ред. проф. В.Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. Т. 7. С. 529–544.

8. Карякин, 1976 — *Карякин Ю.* Самообман Раскольникова (Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»). М.: Худож. лит., 1976. 158 с.

9. Касаткина, 2022 — *Касаткина Т.А.* Авторские стратегии создания глубокого текста в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Наследие Достоевского в национальных культурах. Карс, 2022. С. 1–14.

10. Касаткина, 2004 — *Касаткина Т.А.* Между Богом и.... теорией? // *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Изд-во Астрель: Изд-во АСТ, 2004. Т. 3: Преступление и наказание. С. 98–119.

11. Мережковский, 1991 — *Мережковский Д.С.* Достоевский // *Мережковский Д.С.* Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. М.: Книжная палата, 1991. С. 108–126.

12. Мысляков, 1974 — *Мысляков В.А.* Как рассказана «история» Родиона Раскольникова (К вопросу о субъективно-авторском начале у Достоевского) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. Вып. 1. С. 147–163.

13. Подосокорский, 2022 — *Подосокорский Н.Н.* «Наполеоновский» Петербург и его отражение в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 71–135. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-71-135

14. Степанян, 2014 — *Степанян К.А.* Путеводитель по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. 208 с.

15. Тихомиров, 2012 — *Тихомиров Б.Н.* К вопросу о «прототипах образа идеи» в романах Достоевского // *Тихомиров Б.Н.* «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». Статьи и эссе о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2012. С. 311–326.

16. Тихомиров, 1996 — *Тихомиров Б.Н.* К осмыслению глубинной перспективы романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский в конце XX века: Сб. статей / сост. К.А. Степанян. М.: Классика плюс, 1996. С. 252–269.

17. Тихомиров, 2007 — *Тихомиров Б.Н.* «Перерыть все вопросы в этом романе...» // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты / под ред. проф. В.Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. Т. 7. С. 545–574.

18. Тихомиров, 2005 — *Тихомиров Б.Н.* Роман о преступлении, наказании и воскресении Родиона Раскольникова // *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. С. 7–47.

19. Юрьева, 2022 — *Юрьева О.Ю.* Зачем в романе Вразумихин? // Достоевский и современность. Материалы XXXVI Международных Старорусских чтений 2021 года / отв. ред. С.Л. Шараков; Новгородский музей-заповедник. Великий Новгород, 2022. С. 118–128.

References

1. Bakhtin, M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [*Problems of Dostoevsky's Poetics*]. Moscow, Sov. Rossiia Publ., 1979. 318 p. (In Russ.)

2. Borisova, V.V. "'Brat'ia i sestry' v romane F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie': poetika obrazov" ["'Brothers and Sisters' in Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*: The Poetics of the Images"]. Borisova, V.V. *Aktualnyi Dostoevskii: teksty i konteksty* [*Relevant Dostoevsky: Texts and Contexts*]. Ufa, ArtPrint Publ., 2021, pp. 103–109. (In Russ.)

3. Vetlovskaia, V.E. "Logicheskoe oproverzhenie protivnika v 'Prestuplenii i nakazanii' Dostoevskogo" ["The Logical Refutation of the Opponent in Dostoevsky's *Crime and Punishment*"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*], vol. 13. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, pp. 74–87. (In Russ.)

4. Viktorovich, V.A. "'Byli by brat'ya...': M.M. Dostoevskii kak prototip Razumikhina" ["'If There Were Brothers...': Mikhail Dostoevsky as Razumikhin's Prototype"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*], vol. 22. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019, pp. 41–55. (In Russ.)

5. Viktorovich, V.A. "'Prestuplenie i nakazanie' kak roman soznaniia" ["*Crime and Punishment* as a Novel of Consciousness"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (23), 2023, pp. 28–42. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-28-42

6. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

7. Zakharov, V.N. "'Pravoslavnoe vozzrenie': idei i ideal" ["'Orthodox View': Ideas and Ideal"]. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: Kanonicheskie teksty* [*Complete Works: Canonic Texts*], vol. 7. Ed. by V.N. Zakharov. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2007, pp. 529–544. (In Russ.)

8. Kariakin, Iu. *Samoobman Raskol'nikova (Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie")* [*Raskolnikov's Self-Deception (Fyodor Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment*)*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1976. 158 p. (In Russ.)

9. Kasatkina, T.A. "Avtorskie strategii sozdaniia glubokogo teksta v romane F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie'" ["The Author's Strategies for Creating a Deep Text in Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*"]. *Nasledie Dostoevskogo v natsional'nykh kul'turakh* [*Dostoevsky's Heritage in National Cultures*]. Kars, 2022, pp. 1–14. (In Russ.)

10. Kasatkina, T.A. "Mezhdu Bogom i.... teorei?" ["Between God and... Theory?"]. Dostoevskii, F.M. *Sobranie sochinenii: v 9 tomakh* [*Collected Works: in 9 vols*], vol. 3: Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]. Moscow, Astrel' Publ., 2004, pp. 98–119. (In Russ.)

11. Merezhkovskii, D.S. "Dostoevskii" ["Dostoevsky"]. Merezhkovskii, D.S. *Akropol'. Izbrannye literaturno-kriticheskie stat'i* [*Acropolis. Selected Articles of Literary Criticism*]. Moscow, Knizhnaia palata Publ., 1991, pp. 108–126. (In Russ.)

12. Mysliakov, V.A. "Kak rasskazana 'istoriia' Rodiona Raskol'nikova (K voprosu o sub''ektivno-avtorskom nachale u Dostoevskogo)" ["How Rodion Raskolnikov's 'Story' Is Told (About the

Question of Dostoevsky's Subjective Authorial Principle)"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*], vol. 1. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 147–163. (In Russ.)

13. Podosokorskii, N.N. "'Napoleonovskii' Peterburg i ego otrazhenie v romane F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie'" ["'Napoleonic' Petersburg and its Reflection in Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (20), 2022, pp. 71–135. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-71-135

14. Stepanian, K.A. *Putevoditel' po romanu F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie": Uchebnoe posobie* [*A Guide to Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment*: A Handbook*]. Moscow, Izd.-vo Mosk. Un.-ta Publ., 2014. 208 p. (In Russ.)

15. Tikhomirov, B.N. "K voprosu o 'prototipakh obraza idei' v romanakh Dostoevskogo" ["On the Question of 'Prototypes of the Image of an Idea' in Dostoevsky's Novels"]. Tikhomirov, B.N. *"...Ia zanimaius' etoi tainoi, ibo khochu byt' chelovekom": Stat'i i esse o Dostoevskom* [*"... I Am Studying This Mystery, Because I Want to Be a Man": Articles and Essays on Dostoevsky*]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2012, pp. 311–326. (In Russ.)

16. Tikhomirov, B.N. "K osmysleniiu glubinnoi perspektivy romana F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie'" ["For an Understanding of the Deep Perspective of Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*"]. Stepanian, K.A., editor. *Dostoevskii v kontse XX veka. Sbornik statei* [*Dostoevsky at the End of the 20th Century. Collected Articles*]. Moscow, Klassika plius Publ., 1996, pp. 252–269. (In Russ.)

17. Tikhomirov, B.N. "'Pereryt' vse voprosy v etom romane...'" ["'Dig Through All the Questions in This Novel...'"]. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: Kanonicheskie teksty* [*Complete Works: Canonic Texts*], vol. 7. Ed. by V.N. Zakharov. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2007, pp. 545–574. (In Russ.)

18. Tikhomirov, B.N. "Roman o prestuplenii, nakazanii i voskresenii Rodiona Raskol'nikova" ["A Novel About the Crime, Punishment, and Resurrection of Rodion Raskolnikov"]. Tikhomirov, B.N. *"Lazar'! Griadi von". Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii. Kniga-kommentarii* [*"Lazarus, Come Out." A Contemporary Reading of Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment. *Book-Commentary*]. St. Petersburg, Serebriannyi vek Publ., 2005, pp. 7–47. (In Russ.)

19. Iureva, O.Iu. "Zachem v romane Vrazumikhin?" ["Why is Vrazumikhin in the Novel?"]. Sharakov, S.L., editor. *Dostoevskii i sovremennost'. Materialy XXXVI Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii 2021 goda* [*Dostoevsky and Contemporary Age. Proceedings of the 36th International Readings in Staraya Russa, 2021*]. Veliky Novgorod, 2022, pp. 118–128. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.01.2024
Одобрена после рецензирования: 08.02.2024
Принята к публикации: 09.02.2024
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 15 Jan. 2024
Approved after reviewing: 08 Feb. 2024
Accepted for publication: 09 Feb. 2024
Date of publication: 25 Mar. 2024